Б14 6/44

Б 14 44

П. А. Гейсманъ.

СЛАВЯНСКІЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ.

(По случаю 25-лѣтія со времени начала войны 1877—1878 гг.).

„И приступль къ Нему искуситель рече: аще Сынъ еси Божій, рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ. Онъ же отвѣщавъ рече: писано есть: не о хлѣбѣ единѣмъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ исходящемъ изо устъ Божіихъ". (См. отъ Матѳея Святое Благовѣствованіе, гл. 4, ст. 3 и 4).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ.
1902.

П. А. Гейсманъ.

СЛАВЯНСКІЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ.

(По случаю 25-лѣтія со времени начала войны 1877—1878 гг.).

„И приступль къ Нему искуситель рече: аще Сынъ еси Божій, рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ. Онъ же отвѣщавъ рече: писано есть: не о хлѣбѣ единѣмъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ исходящемъ изо устъ Божіихъ". (См. отъ Матѳея Святое Благовѣствованіе, гл. 4, ст. 3 и 4).

809/3

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ, д. 45.
1902.

Дозволено цензурою. Спб. 27 Марта 1902 г.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. музея
№ 307320.
1923

СЛАВЯНСКІЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ.

(По случаю 25-лѣтія со времени начала войны 1877—1878 гг.).

„И приступль къ Нему искуситель рече: аще Сынъ еси Божій, рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ. Онъ же отвѣщавъ рече: писано есть: не о хлѣбѣ единѣмъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ исходящемъ изо устъ Божіихъ". (См. отъ Матѳея Святое Благовѣствованіе, гл. 4, ст. 3 и 4).

Столѣтія прошли съ тѣхъ поръ, какъ передъ Европою возсталъ неразгаданный до сихъ поръ сфинскъ. Дипломаты напрягали всѣ свои силы, изощрялись въ изобрѣтеніи наиболѣе дѣйствительныхъ способовъ и средствъ, дабы покончить съ этимъ сфинксомъ, примѣняли различныя средства, начиная съ самыхъ мирныхъ и кроткихъ и кончая героическими..., сфинксъ же продолжалъ и продолжаетъ стоять на томъ же мѣстѣ.

Этотъ сфинксъ—*Восточный вопросъ!* Что такое восточный вопросъ, въ чемъ заключается его сущность? На этотъ вопросъ трудно услышать два совершенно одиковыхъ отвѣта, а еще чаще можно вовсе не получить отвѣта.

Русскіе интеллигентные люди давно уже привыкли обращаться въ подобныхъ случаяхъ къ западно-европейцамъ въ томъ предположеніи, что каковъ бы ни былъ вопросъ, навѣрно какой-нибудь нѣмецъ его разсматривалъ и разъяснилъ. Мы нисколько не высказываемся противъ эксплоатированія результатовъ работы двигателей западно-европейской и въ частности нѣмецкой науки, считаемъ его даже весьма полезнымъ, но только полагаемъ, что не слѣдуетъ держаться этихъ результатовъ, говоря словами Петра Великаго, „яко слѣпой (держится) стѣны“, но должно изслѣдовать изучаемый предметъ или вопросъ съ достаточною глубиною и тщательностью и стараться выработать самостоятельное, достаточно обоснованное сужденіе.

И дѣйствительно, можно-ли, напримѣръ, стать на точку зрѣнія *Рюстова*, который причисляется къ разряду компетентныхъ и авторитетныхъ военныхъ писателей и который относитъ начало возникновенія восточнаго вопроса ко времени троянской войны?

Другіе нѣмецкіе и вообще западно-европейскіе писатели проявляютъ большую историческую проницательность по отношенію къ опредѣленію сущности этого вопроса, а равно и времени его возникновенія, но, въ то же время, проявляютъ такую предвзятость, которая препятствуетъ имъ оцѣнить достаточно безпристрастно и объективно взаимныя отношенія между державами, такъ или иначе прикосновенными къ восточному вопросу; отсюда результаты лишь немногимъ лучше тѣхъ, къ коимъ пришелъ Рюстовъ.

Русскіе писатели находятъ вполнѣ естественнымъ стремленіе Русскаго государства сначала къ тому, чтобы придвинуться къ побережью Чернаго моря, а затѣмъ и

къ тому, чтобы укрѣпить свое вліяніе, какъ на этомъ морѣ, такъ и среди народовъ Балканскаго полуострова, связанныхъ съ нами единствомъ вѣры, происхожденія, языка и даже экономическихъ интересовъ. Нѣкоторые изъ нашихъ писателей относятъ начало этого стремленія ко временамъ Олега, Игоря или, по крайней мѣрѣ, Святослава. По мнѣнію большинства, болѣе рельефно оно обозначилось значительно позднѣе.

Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что въ настоящее время еще очень трудно произвести оцѣнку того, что сдѣлано Россіею въ этомъ направленіи. Поэтому, въ виду наступающаго 25-лѣтія войны 1877—78 гг., считаемъ полезнымъ напомнить лишь главнѣйшіе факты, предшествовавшіе этой войнѣ, и этимъ путемъ объяснить ея значеніе въ нашей исторіи. Если при этомъ читателямъ выяснится сама собою и сущность восточнаго вопроса, тѣмъ лучше; въ противномъ же случаѣ можемъ указать нашъ трудъ подъ заглавіемъ *„Славяно-турецкая борьба 1876—77—78 гг. и ея значеніе въ исторіи развитія восточнаго вопроса“* (ч. I и II, изд. 1887 и 1889 г.), въ которомъ нами сдѣлана попытка объяснить эту сущность.

Къ концу среднихъ вѣковъ османскіе турки, основавшіе грозную монархію, государственное и военное устройство которой было приспособлено къ войнамъ и завоеваніямъ, нанесли, въ 1453 году, послѣдній ударъ византійской имперіи, превратили Царьградъ въ свою столицу и распространили свое владычество на весь Балканскій полуостровъ, послѣ чего начали угрожать всей христіанской Европѣ. Этотъ историческій моментъ имѣлъ первостепенное значеніе въ исторіи всего грекославянскаго міра, къ которому принадлежатъ не только

славяне, но и нѣкоторые другіе народы, частью совершенно имъ чуждые, частью представляющіе смѣсь славянскаго племени съ греческимъ, романскимъ, финскимъ и т. д., судьбы коихъ въ большей или меньшей степени переплелись съ судьбами славянъ. Меньшая часть греко-славянскаго міра приняла христіанство съ запада и стала къ нему въ близкія отношенія, тогда какъ большая его часть вошла въ составъ міра восточно-христіанскаго или православнаго. Это раздвоеніе, конечно, ослабляло греко-славянскій міръ и препятствовало ему подняться дружно и единодушно для борьбы противъ общихъ враговъ.

Въ моментъ паденія Византіи греко-славянскій міръ былъ расчлененъ на три части: одна находилась подъ властью Турціи; другая попала подъ владычество хотя и славянской, но католической Польши, или вошла въ сферу вліянія католическаго же Габсбургскаго дома и такимъ образомъ подчинилась вліянію Западной Европы; только третья часть этого міра, сѣверо-восточная Русь, собравшись вокругъ Москвы и стряхнувъ иго татаръ, высоко держала славянское и при томъ восточно-христіанское знамя.

Восточное христіанство явилось въ свое время какъ бы связующимъ цементомъ, точнѣе крѣпкою духовною связью между всѣми разнородными элементами, образовавшими міръ православный. Это-же восточное христіанство могущественно способствовало переходу руководящей роли въ греко-славянскомъ мірѣ отъ Византіи къ Руси Московской. Бракъ Іоанна III съ племянницею послѣдняго византійскаго императора явился лишь скрѣпленіемъ и видимымъ выраженіемъ той преемственной связи, которая вырабатывалась въ исторіи между со-

шедшею съ ея арены православною греческою или восточно-римскою имперіею и долженствующею возникникнуть православною-же Русскою Имперіею и которая нашла себѣ другое выраженіе въ области идей, извѣстное подъ названіемъ „ученія о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ“ (послѣ Рима и Византіи).

Съ этихъ поръ православный міръ начинаетъ обращать свои взоры къ Москвѣ и, съ теченіемъ времени, привыкаетъ смотрѣть на православнаго великаго государя, царя и всея Руси самодержца, какъ на естественнаго и законнаго преемника православныхъ императоторовъ восточно-римскихъ и единственнаго покровителя всѣхъ автокефальныхъ православныхъ церквей, въ большей или меньшей мѣрѣ нуждающихся въ этомъ покровительствѣ. Единство происхожденія и даже болѣе тѣсное національное единство въ тѣ времена были еще мало доступны пониманію народныхъ массъ, тогда какъ единство вѣры было имъ вполнѣ понятно.

Такъ уже въ царствованіе послѣдняго изъ Ягайловичей (Ягеллоновъ) Сигизмунда II Августа († 1572 г.) и тотчасъ послѣ его смерти православное населеніе „Литвы“ (т. е. большинство) желало видѣть его преемникомъ царя Іоанна Грознаго, но оно не могло имѣть перевѣса на сеймѣ; къ тому же и религіозный интересъ этого населенія еще не былъ затронутъ; по этимъ и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ эти взаимныя симпатіи православныхъ людей литовскихъ и московскихъ не только не привели къ соотвѣтственнымъ результатамъ, но даже мало извѣстны.

На радѣ въ Переяславлѣ въ 1654 году гетманъ Богданъ Хмѣльницкій, обращаясь къ присутствовавшимъ полковникамъ, есауламъ, сотникамъ, всему войску Запо-

рожскому и ко всѣмъ собравшимся русскимъ людямъ, коихъ онъ называлъ православными христіанами, говорилъ: „Вѣдомо вамъ всѣмъ какъ Богъ освободилъ насъ изъ рукъ враговъ, гонящихъ Церковь Божію и озлобляющихъ все христіанство нашего Восточнаго православія. Вотъ уже шесть лѣтъ живемъ мы безъ государя, въ безпрестанныхъ браняхъ и кровопролитіяхъ съ гонителями и врагами нашими, хотящими искоренить Церковь Божію, дабы имя Русское не помянулось въ землѣ нашей, что ужъ очень намъ всѣмъ наскучило и видимъ что нельзя намъ жить больше безъ царя. Для этого собрали мы раду, явную всему народу, чтобъ вы съ нами выбрали себѣ государя изъ четырехъ, кого хотите: первый царь Турецкій....; второй ханъ Крымскій.....; третій король Польскій....; четвертый есть православный Великой Россіи государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Руси самодержецъ Восточный, котораго мы уже шесть лѣтъ безпрестанными моленіями нашими себѣ просимъ; тутъ кого хотите избирайте. Царь Турецкій бусурманъ; всѣмъ вамъ извѣстно, какъ братья наши, православные христіане, Греки, бѣду терпятъ и въ какомъ живутъ отъ безбожныхъ утѣсненіи; Крымскій ханъ тоже бусурманъ, котораго мы по нуждѣ въ дружбу принявши, какія нестерпимыя обиды испытали. Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ нечего и говорить: сами знаете, что лучше жида и пса, нежели христіанина, брата нашего почитали. А православный христіанскій великій государь, царь Восточный, единаго съ нами благочестія, Греческаго закона, единаго исповѣданія, едино мы тѣло церковное съ православіемъ Великой Россіи, главу имѣя Іисуса Христа. Этотъ великій государь царь христіанскій, сжалившись надъ нестерпи-

мымъ озлобленіемъ Православной Церкви въ нашей Малой Россіи, шестилѣтнихъ моленій безпрестанныхъ не презрѣвши, теперь милостивое свое царское сердце къ намъ склонивши, своихъ великихъ ближнихъ людей къ намъ съ царскою милостію своею прислать изволилъ; если мы его съ усердіемъ возлюбимъ, то кромѣ его царской высокой руки благотишайшаго пристанища не обрящемъ; если же кто съ нами не согласенъ, то куда хочетъ—вольная дорога". Тутъ весь народъ завопилъ: „Волимъ подъ царя Восточнаго православнаго"!..

И тогда же, 8 января 1654 года, ближній бояринъ Василій Бутурлинъ, отъ имени царя, объявилъ гетману, между прочимъ, нижеслѣдующее: „.... Великій государь нашъ, Его Царское Величество, видя съ королевскія стороны, такія неисправленье и досады, и вѣчному докончанью нарушенье, и на православную христіанскую вѣру и на святыя Божіи церкви гоненіе, и не хотя того слышать, что вамъ единовѣрнымъ православнымъ христіанамъ въ конечномъ разореніи, церквамъ благочестивымъ въ запустѣніи и въ поруганіи отъ Латиновъ быти подъ свою высокую руку васъ, Гетмана Богдана Хмѣльницкаго и все войско Запорожское, съ городами и землями, отъ королевскаго подданства свободныхъ, приняти велѣлъ и помощь вамъ на кривоприсяжцевъ и на хотящихъ разорити Христіанскую вѣру своими Государевыми ратными людьми чинити велѣлъ...." Результатъ—война съ Польшею.

Въ это-же время и Молдавія просила принять ее въ подданство великаго государя по такимъ же причинамъ и соображеніямъ. Завязались переговоры, окончившіеся (въ 1658 году) заключеніемъ договора, соот-

вѣтствовавшаго ходатайству Молдавскаго правительства и народа. Результатъ—война съ Турціею.

При томъ же царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ прибылъ въ Россію и проводилъ свои идеи Юрій *Крижаничъ*, представитель сербо-хорватскаго племени, замѣчательный ученый, католикъ по вѣрѣ. Онъ видѣлъ въ русскомъ государѣ законнаго покровителя всѣхъ угнетенныхъ славянъ, при чемъ предостерегалъ русскихъ отъ нѣмцевъ.

Такимъ образомъ передовые православные русскіе люди имѣли въ виду лишь единство вѣры, тогда какъ изъ среды славянъ-католиковъ вышелъ первый панславистъ-идеалистъ, который, впрочемъ, готовъ былъ навязать русскимъ вліяніе западныхъ католическихъ странъ.

Въ правленіе царевны Софіи Россія приступила къ „священному союзу“ христіанъ противъ турокъ, который образовали польскій король Янъ III Собѣскій, императоръ Леопольдъ I и Венеція и патрономъ котораго былъ провозглашенъ папа Иннокентій XI. Члены союза приглашали къ участію въ немъ всѣхъ государей христіанскихъ и преимущественно царей Московскихъ. Ради участія въ этомъ общемъ христіанскомъ дѣлѣ Россія согласилась даже заключить „вѣчный миръ“ съ Польшею, оставляя подъ ея властью многія западно-русскія земли съ русскимъ населеніемъ, частью уніатскимъ, частью православнымъ.

При царѣ Петрѣ I, 25 Февраля 1711 года, въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, было объявлено народу о войнѣ противъ враговъ имени Христова; передъ соборомъ стояли Преображенскій и Семеновскій полки, готовые къ выступленію въ походъ; на ихъ красныхъ знаменахъ

виднѣлся крестъ съ надписью. „*Симъ знаменіемъ побѣдиши*“. Около того же времени царь писалъ черногорцамъ: „Извѣстно да будетъ вашимъ благороднымъ особамъ, и всѣмъ народамъ, почитателямъ распятаго Христа Бога нашего, чрезъ Его же всѣ надѣемся въ царствіе Его внити, добросердечно потрудившись за вѣру и церковь. Понеже турки нечестивцы, видя наше царское величество христіанскому народу доброжелательныхъ и милостію Божіею въ воинскихъ поступкахъ преуспѣвательныхъ и возымѣвши подозрѣніе, будто бы мы намѣрены отбирать отъ нихъ неправедное завладѣніе и христіанамъ, подъ игомъ ихъ стенящимъ, воспомогать, осоюзились съ еретикомъ королемъ Шведскимъ и нашему царскому величеству безо всякой отъ насъ данной причины войну объявили; того ради мы, видя ихъ такія неправды и призирая на гоненія христіанъ, призвавъ Бога на помощь, принуждены собирать не токмо наши войска и силы, но и прочихъ потентатовъ, союзниковъ нашихъ, и сего года имѣемъ намѣреніе идти на нихъ войною, дабы не токмо противъ басурмана отпоръ чинить, но и сильнымъ оружіемъ въ средину его владѣнія вступить и православныхъ христіанъ, аще Богъ допуститъ, отъ поганскаго ига освободить. Съ любезно-вѣрными и искусными нашими войсками самоперсонально выступаемъ противъ врага, ибо должно презрѣть страхъ и трудности за церковь и православную вѣру, и не только воевать, но и послѣднюю каплю крови пролить.... Притомъ, понеже извѣстна нашему царскому величеству храбрость древнихъ вашихъ владѣтелей, глубина добрыхъ вашихъ христіанскихъ сердецъ и искусство, которое прежде всего по должности своей чрезъ храбрыя оружія за вѣру въ воинскихъ случаяхъ вы оказывали,

какъ мы удостовѣрились изъ книгъ напечатанныхъ..... и ежели бы прочіе деспоты и владѣтели ваши съ такими-же сердцами трудились, то не допустили бы себя въ неволю и наслѣдниковъ своихъ въ подданство. Въ нынѣшнее отъ Бога посланное время пристойно есть вамъ древнюю славу свою обновить, осоюзившись съ нашими силами и единодушно на непріятеля вооружившись, воевать за вѣру и отечество, за честь и славу вашу и за свободу и вольность наслѣдниковъ вашихъ. Если кто изъ васъ въ сей праведной войнѣ потрудится, то отъ Бога получитъ благословеніе, а отъ насъ милость и награжденіе, и всякій по заслугамъ и желанію вашему привилегіями нашими пожалованъ будетъ, ибо мы себѣ иной славы не желаемъ, токмо да возможемъ тамошніе христіанскіе народы отъ тиранства поганскаго освободить, православныя Церкви тамо украсить и животворящій Крестъ возвысить. И такъ, если будетъ всякій по возможности трудиться и за вѣру воевать, то имя Христово прославится наивящше, и поганина Магомета наслѣдники будутъ прогнаны въ старое ихъ отечество, пески и степи Арапскія“.

Если царь Петръ I не могъ привести свой планъ въ исполненіе, то это вполнѣ понятно; въ это время трудно было разсчитывать на успѣхъ въ подобной войнѣ. Дѣло его продолжала императрица Екатерина II, при которой Россія дважды воевала съ Турціею. Въ началѣ первой войны графу Орлову, поставленному во главѣ морской экспедиціи противъ турокъ, было повелѣно распространить между христіанскимъ народонаселеніемъ Турціи слѣдующее воззваніе: „Божіею милостію мы, Екатерина II и проч. Объявляемъ всѣмъ греческимъ и славянскимъ народамъ Православнаго исповѣданія, какъ на твердой

землѣ, такъ и на островахъ Архипелага обитающимъ.— Крайняго сожалѣнія достойно состояніе древностію и благочестіемъ знаменитыхъ сихъ народовъ, въ какомъ они нынѣ находятся подъ игомъ Порты Оттоманской. Свойственная Туркамъ лютость и ненависть ихъ къ христіанству, законамъ магометанскимъ преданная, стремятся совокупно ввергать въ бездну злоключеній въ разсужденіи души и тѣла христіанъ, живущихъ не только въ подданствѣ и порабощеніи ихъ, но и въ сосѣдствѣ уже, ибо злочестіе Агарянъ, не зная другаго себѣ обузданія, кромѣ страха, не находило по сю пору никакого. — Порта Оттоманская по обыкновенной ей злобѣ къ Православной Церкви нашей, видя старанія употребляемыя за вѣру и законъ нашъ, который мы тщились въ Польшѣ привести въ утвержденныя трактатами древнія его преимущества, кои по временамъ у него насильно похищены были, дыша мщеніемъ, презрѣвъ всѣ права народныя и самую истину, за то только одно, по свойственному ей вѣроломству, разруша заключенный съ нашею имперіею вѣчный миръ, начала несправедливѣйшую и безъ всякой законной причины противу насъ войну и тѣмъ убѣдила насъ нынѣ употреблять дарованное намъ отъ Бога оружіе. И сіе есть то самое время, въ которое христіане, подъ игомъ ея стеняще, еще больше почувствуютъ угнетеніе. Соображая горестныхъ благочестивыхъ сихъ сыновъ Церкви Божія состояніе, пріемлемъ мы нынѣ во всемилостивѣйшее разсужденіе и желаемъ сколько возможно избавленію ихъ и отрадѣ споспѣшествовать. Остается только, чтобъ при производимыхъ нашими арміями военныхъ дѣйствіяхъ и они сами содѣйствовать потщились. Увѣщеваемъ всѣхъ ихъ вообще и каждый особенно полезными для нихъ об-

стоятельствами настоящей войны воспользоваться къ сверженію ига и къ ириведенію себя попрежнему въ независимость, ополчаясь, гдѣ и когда будетъ удобно, противъ общаго всего христіанства врага и стараясь возможный вредъ ему причинять и чрезъ то общему благому дѣлу возспособствовать и собственному своему жребію, котораго прочность и на предбудущія времена свято и ненарушимо утвердится при заключеніи съ Портою Оттоманскою мира, когда высокомѣрный непріятель принужденъ будетъ искать онаго отъ насъ. Наше удовольствіе будетъ величайшее видѣть христіанскія области изъ поноснаго порабощенія избавляемыя и народы руководствомъ нашихъ вступающіе въ слѣды своихъ предковъ, къ чему мы и впредь всѣ средства подавать не отречемся, дозволяя имъ наше покровительство и милость для сохраненія всѣхъ тѣхъ выгодностей, которыя они своимъ храбрымъ подвигомъ въ сей нашей войнѣ съ вѣроломнымъ непріятелемъ одержатъ".

Такимъ образомъ ни царь Петръ I, ни Императрица Екатерина II сами войны не начинали; оба раза войну затѣяла Турція, которая препятствовала Петру I покончить съ Карломъ XII, а Екатеринѣ II устроить польскія дѣла, имѣвшія для Россіи первостепенную важность. Польша представляла въ сущности Польско-Литовско-Русское государство, въ которомъ русскіе составляли около половины всего населенія, а русскія земли большую часть территоріи этого государства. Россія стремилась и не могла не стремиться къ объединенію русскихъ земель, для чего было необходимо отнять у Польши несправедливо ей принадлежавшія „вотчины" древнихъ русскихъ князей.

Въ это время уже ясно обнаружилась связь между турецкимъ и польскимъ вопросами. Турція препятствовала Россіи устроить польскія дѣла согласно съ своими интересами, Польша же пока была слаба, являлась сама препятствіемъ для сведенія счетовъ съ Турціею, а усилившись, угрожала бы намъ съ фланга въ случаѣ еслибы мы пожелали вести войну съ Турціею. Послѣдняя пока была сильнѣе и представлялась болѣе опасною. Она заключила съ польскими конфедератами союзъ, въ силу котораго, послѣ того какъ Россія будетъ вынуждена къ заключенію мира, Польша должна была уступить Турціи Кіевскую область и получить за это отъ Россіи Смоленскъ, Стародубъ, Черниговъ и Ливонію. Естественно, нужно было разгромить турокъ и если не вполнѣ осуществить все то, что было намѣчено въ воззваніи Императрицы къ „христіанскимъ и славянскимъ“ народамъ Балканскаго полуострова, то все же облегчить ихъ участь, а себя обезопасить.

Русская армія, имѣя во главѣ талантливыхъ вождей, въ ряду коихъ первымъ былъ графъ Румянцевъ-Задунайскій, нанесла туркамъ цѣлый рядъ пораженій и вынудила Порту къ заключенію Кучукъ-Кайнарджійскаго мира 1774 года, по которому Россія пріобрѣла Керчь, Еникале, Кинбурнъ съ его округомъ и степью между Бугомъ и Днѣпромъ, Турція должна была уплатить военныя издержки и дозволить свободное плаваніе въ своихъ водахъ и торговлю русскимъ судамъ, подвластные ей татары были признаны отъ нея независимыми*), Россія получила право покровительства по

*) Вскорѣ послѣ того земли ихъ были присоединены къ Россіи.

отношенію къ Молдавіи и Валахіи и, наконецъ, выговорены были нѣкоторыя льготы въ пользу православныхъ церквей и вообще христіанскихъ подданныхъ султана. Послѣ первой турецкой войны первое мѣсто въ ряду совѣтниковъ Императрицы занялъ Г. А. Потемкинъ, человѣкъ талантливый, но склонный къ составленію грандіозныхъ проектовъ, основанныхъ не столько на строгомъ и тщательномъ изученіи фактовъ, сколько на порывахъ воображенія. Таковъ былъ извѣстный „греческій проектъ", сводившійся къ востановленію греческой имперіи и т. д. Проектъ этотъ не былъ согласованъ ни съ этнографическимъ составомъ населенія Балканскаго полуострова, ни съ дѣйствительными интересами Россіи. Тѣмъ не менѣе, благодаря проведенію въ жизнь программы Потемкина, Россія получила Крымъ и земли по Кубани, но эта же политика привела ее ко 2-ой турецкой войнѣ 1787—1791 г.г., а между тѣмъ, въ 1788 году, и Швеція объявила намъ войну.

Положеніе Россіи было весьма затруднительно. При этомъ снова обрисовалась весьма рельефно связь между турецкими и польскими дѣлами. Польскіе патріоты воспользовались затруднительнымъ положеніемъ Россіи и 3-го мая 1791 года произвели государственный переворотъ, уничтоживъ при этомъ зависимость своего отечества отъ Россіи; мало того, не ограничиваясь этимъ, они потребовали удаленія изъ юговосточныхъ областей Польши русскихъ войскъ и магазиновъ. Императрица исполнила эти требованія, но повелѣла князю Потемкину окончить войну съ Турціею возможно скорѣе.

Ошибки государственныхъ людей были исправлены главнымъ образомъ благодаря храбрости русскаго солдата, доблести русскаго офицера и генію Суворова, ко-

торый цѣлый рядъ подвиговъ въ эту войну завершилъ чуть ли не сказочнымъ штурмомъ Измаила. 2-я турецкая война императрицы Екатерины II окончилась, въ декабрѣ 1791 года, Ясскимъ миромъ, по которому Россія утвердила за собою Крымъ и пріобрѣла Тамань, прикубанскихъ ногаевъ, Очаковъ и степи между Бугомъ и Днѣстромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ получила возможность свести счеты съ Польшей, послѣ чего въ 1792—93 г.г. возвратила отъ нея нынѣшнюю Кіевскую, большую часть Минской и Волынской и Подольскую губернію, т. е. не только подвинула впередъ дѣло объединенія Русскихъ земель, но и поставила себя въ гораздо лучшее положеніе относительно Турціи.

Послѣ Ясскаго мира Турція, до тѣхъ легко поддававшаяся интригамъ и наущенію враговъ Россіи, рѣзко измѣнила свою политику и установила дружественныя къ намъ отношенія; дѣло дошло до того, что въ 1798 году она заключила съ Россіей договоръ, по которому, между прочимъ, русскимъ судамъ былъ предоставленъ свободный проходъ черезъ Дарданельскій проливъ, а въ 1799 году турки, въ союзѣ съ русскими, сражались противъ французовъ.

Въ 1804 году сербы, доведенные до крайности гнетомъ турокъ, возстали подъ начальствомъ Кара-Георгія. Императоръ Александръ I былъ озабоченъ вопросомъ объ улучшеніи участи турецкихъ христіанъ вообще. Неудачный для Россіи исходъ кампаніи 1805 года повліялъ на Турцію въ смыслѣ благопріятномъ для Наполеона; посолъ его въ Константинополѣ Себастіани пріобрѣлъ первенствующее положеніе и настоялъ на отмѣнѣ пропуска русскихъ судовъ чрезъ проливы и на смѣнѣ преданныхъ Россіи господарей Молдавіи и Валахіи. Это

привело къ войнѣ 1806—1812 г.г., окончившейся Букарештскимъ миромъ, по которому побѣжденная Турція уступила Россіи Бессарабію, а Сербіи была предоставлена автономія съ уплатой Турціи ежегодной дани.

Миръ этотъ былъ заключенъ въ то самое время, когда на Россію надвигалась грозная туча съ Запада: Наполеонъ, подчинивъ своей власти почти всю Западную Европу, собралъ болѣе полумилліона войскъ и двинулся съ ними противъ Россіи. Хотя наши силы были значительно слабѣе въ численномъ отношеніи, но императоръ Александръ рѣшилъ обороняться до послѣдней крайности. Война 1812 года показала всю мощь Россіи; въ борьбѣ противъ нея разбилось въ дребезги колоссальное могущество величайшаго западно-европейскаго завоевателя. Западная Европа смутно почувствовала, что только одна Россія могла сдѣлать столь великое дѣло, но она объясняла это себѣ иначе и, съ теченіемъ времени, успокоилась, полагая, что русскій колоссъ покоится на глиняныхъ ногахъ и что если своевременно наносить ему соотвѣтственные удары, то онъ не будетъ опасенъ. Славянскіе и особенно восточно-христіанскіе народы большею частью отнеслись къ этому иначе, уразумѣли всю силу Россіи и твердо увѣровали въ нее, какъ въ свою единственную покровительницу и защитницу, а для нѣкоторыхъ изъ нихъ и освободительницу. Этимъ въ значительной степени и объясняется пробужденіе у нихъ, а затѣмъ и быстрый ростъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ національнаго самосознанія и способности къ культурной борьбѣ именно послѣ наполеоновскихъ войнъ, независимо отъ того вліянія, которое было оказано на всѣ европейскіе народы въ этомъ же направленіи наполеоновскою Франціею.

Но въ это самое время въ Европѣ господствовалъ *„священный союзъ“*, который смотрѣлъ, какъ на бунтовщиковъ, на тѣхъ самымъ турецкихъ христіанъ, кои возставали противъ своихъ притѣснителей и просили помощи у Россіи. Это препятствовало не только рѣшенію восточнаго вопроса, но даже правильному его освѣщенію и соотвѣтственной его постановкѣ. Хотя императоръ Александръ I и былъ душою священнаго союза, но тѣмъ не менѣе, онъ не считалъ возможнымъ раздѣлять вполнѣ точку зрѣнія своихъ союзниковъ. Уже въ 1816 году былъ поставленъ вопросъ о нарушеніи Турціею трактатовъ, послѣ чего начались переговоры. Въ 1821 году вспыхнули востанія въ Валахіи, въ Мореѣ и на греческихъ островахъ. Турки, усмиряя эти востанія, не замедлили проявить крайнюю жестокость, рѣзали христіанъ безъ разбора, не остановились даже передъ позорною казнью вселенскаго патріарха..... Императоръ Александръ поднялъ голосъ о необходимости защитить турецкихъ христіанъ; но европейскія правительства, опасаясь подчиненія Дунайскихъ княжествъ и возставшей Греціи вліянію Россіи, его не поддержали. Тщетно русскій посланникъ, баронъ Строгановъ пытался побудить Порту принять мѣры къ прекращенію звѣрствъ. Звѣрства эти продолжались, да и не могли не продолжаться послѣ воззванія султана, возбуждавшаго фанатизмъ и раздраженіе мусульманъ противъ христіанъ. Мало того, были „приняты мѣры произвольныя, нарушающія наши привилегіи. Проходъ черезъ Дарданеллы запрещенъ нашимъ судамъ, нагруженнымъ хлѣбомъ. Велѣно осматривать корабли вопреки смыслу договоровъ“. Въ дунайскія княжества были введены турецкія войска также „въ противность договоровъ“. Донося объ этомъ въ

Петербургъ, Строгановъ пояснялъ; „я здѣсь игрушка коварной медленности Порты, меня занимаютъ пустыми переговорами, тогда какъ войска оттоманскія дѣйствуютъ и предаются неистовствамъ. Съ презрѣніемъ отвергаютъ предложенія справедливыя.... каждое событіе ведетъ къ новому оскорбленію“... Отвѣтная депеша предписывала Строгонову въ случаѣ „если турецкое правительство будетъ продолжать свою систему разрушенія и нечестія, то вы дожны оставить Константинополь со всѣми чиновниками и людьми, принадлежащими къ посольству“.

Англійскій посолъ лордъ Странгфордъ дѣйствовалъ по отношенію къ Строгонову „прямо враждебно“, а въ Вѣнѣ нашли поведеніе Строгонова „сначала неразсудительнымъ, потомъ страстнымъ, наконецъ вѣроломнымъ и невыносимымъ“.

Все это ободряло Порту и усиливало ея неуступчивость и заносчивость.

Какъ ни желалъ императоръ Александръ I поддержать всеобщій миръ и согласіе, но, въ Октябрѣ 1825 года, и онъ счелъ себя вынужденнымъ объявить, что заставитъ Турцію исполнить справедливыя требованія Россіи силою оружія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣлъ сосредоточить армію къ Пруту; вскорѣ послѣ того онъ скончался.

Преемнику его, императору Николаю I приходилось немедленно рѣшить вопросъ, быть или не быть войнѣ съ Турціей, тѣмъ болѣе что наше долготерпѣніе объяснялось слабостію и уже нанесло чувствительный ударъ нашему обаянію на Востокѣ.

Рыцарь-Императоръ не признавалъ возможнымъ остановиться на половинѣ пути къ избранной цѣли и считалъ необходимымъ дѣйствовать съ полною рѣшитель-

ностью и энергіею въ соотвѣтственномъ направленіи, если только былъ убѣжденъ, что это требуется благомъ его государства и народа. Онъ выдѣлилъ въ несогласіяхъ нашихъ съ Портою два вопроса, изъ коихъ *одинъ, греческій* могъ быть улаженъ совокупнымъ вмѣшательствомъ Европы, а *другой, касавшійся нарушенія Портою обязательствъ*, возложенныхъ на нее нашими съ нею договорами, представлялъ „чисто русское дѣло“ и долженъ былъ быть рѣшенъ непосредственно Россіею, не справляясь съ мнѣніемъ ея союзниковъ.

Портѣ былъ предъявленъ ультиматумъ съ требованіемъ исполненія Букарештскаго договора и высылки уполномоченныхъ для переговоровъ относительно русско-турецкихъ дѣлъ и отношеній.

Твердый тонъ этого ультиматума „произвелъ свое обычное дѣйствіе“. Порта исполнила требованія Россіи; уполномоченные обѣихъ державъ собрались въ Аккерманѣ и заключили тамъ, 25 сентября 1826 года, конвенцію, въ силу коей Порта согласилась оставить за нами спорныя мѣстности на Кавказѣ и предоставить совершенную свободу русской торговлѣ въ Черномъ и Средиземномъ морямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ признала право нашего покровительства надъ Молдавіей, Валахіей и Сербіей, которымъ были подтверждены прежнія права и преимущества и сверхъ того дарованы новыя льготы. Уладить греческія дѣла мирнымъ путемъ не удалось. 24 іюня 1827 года Россія, Франція и Англія заключили въ Лондонѣ договоръ, которымъ было, между прочимъ, постановлено предложить Турціи посредничество, въ видахъ примиренія съ греками, а затѣмъ ей было предъявлено требованіе заключить перемиріе въ теченіе мѣсяца, съ угрозою поддержать это

требованіе силою оружія. Порта оставила безъ отвѣта это и другія предложенія и вообще обнаружила полное упорство и непримиримость, продолжая въ то же время избіеніе грековъ. За это Турція поплатилась Наваринскимъ погромомъ 8 октября 1827 года, уничтожившимъ весь турецкій флотъ, но и этотъ погромъ не поколебалъ ея упорства. Мало того, Порта стала принимать новыя стѣснительныя мѣры противъ нашей торговли, намѣревалась изгнать всѣхъ русскихъ подданныхъ и особымъ воззваніемъ призывала мусульманъ на священную войну съ невѣрными. Чаша долготерпѣнія императора Николая I переполнилась и онъ объявилъ войну Турціи, не обращая вниманія на дипломатическое противодѣйствіе Англіи, опасавшейся преобладающаго вліянія Россіи на турецкихъ христіанъ.

Война 1828—29 гг. окончилось торжествомъ Россіи, которая, впрочемъ, воспользовалась своими успѣхами весьма умѣренно: для себя она получила по Адріанопольскому трактату только нѣсколько крѣпостей на Кавказскомъ берегу Чернаго моря и Дунайскія гирла, при чемъ были подтверждены права русскихъ подданныхъ на полную и совершенную свободу торговли въ Турціи на сушѣ и на морѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Турція признала независимость Греціи и предоставила русскому императору покровительство надъ Молдавіею, Валахіею и Сербіею. Меттернихъ, по соглашенію съ Веллингтономъ, убѣдилъ берлинскій кабинетъ завести рѣчь о томъ, чтобы поставить независимость и цѣлость Оттоманской имперіи подъ охрану и ручательство всѣхъ великихъ державъ, но императоръ Николай ясно и коротко отклонилъ это предложеніе.

Примиряясь съ султаномъ, Русскій Государь дѣй-

ствовалъ вполнѣ искренно и открыто, готовъ былъ жить съ Турціей въ мирѣ и даже поддерживать ее, но требовалъ уваженія къ заключеннымъ договорамъ и къ положенію Россіи, какъ единственной православной великой державы. По свидѣтельству *П. Лакруа*, онъ сказалъ посламъ султана: „Скажите отъ меня вашему повелителю, что онъ всегда можетъ разсчитывать на мою помощь, если ему угодно будетъ всегда помнить, что часть его подданныхъ—христіане и что я—покровитель церкви православной [1]).

Вскорѣ императоръ и доказалъ, что у него слово не расходится съ дѣломъ. Когда египетскій паша Мехмедъ-Али возсталъ противъ султана, а сынъ его, Ибрагимъ завоевалъ Сирію, разбилъ турокъ въ ущельяхъ Тавра и при Коніи, занялъ Смирну и подступилъ къ Бруссѣ, то императоръ отправилъ къ Мехмеду-Али, въ качествѣ посла, Н. Н. Муравьева, по требованію котораго египтяне прекратили военныя дѣйствія. Независимо отъ этого, 9 февраля 1833 года, въ Босфоръ прибыла эскадра адмирала Лазарева, а 10.000 русской пѣхоты высадились на берегу, у Хункяръ-Искелеси, и расположились тамъ въ полной готовности отразить Ибрагима, если-бы въ томъ встрѣтилась надобность.

Вскорѣ послѣ того Мехмедъ-Али заключилъ миръ съ Портою и если условія этого мира были слишкомъ благопріятны для египетскаго паши, то это объясняется давленіемъ на Порту одной изъ западныхъ державъ, относившейся къ намъ враждебно.

Въ это же самое время, 20 іюня 1833 года, чрезвычайный посолъ графъ Орловъ заключилъ съ Турціею

---

[1]) Ранѣе насъ это отмѣчено *Н. А. Епанчинымъ*.

Хункяръ-Искелесійскій договоръ на 8 лѣтъ, въ силу коего Россія и Турція вступили въ союзъ, съ цѣлью взаимной защиты противъ всякаго покушенія, для чего „ихъ величества (императоръ и султанъ) обѣщаютъ согласоваться откровенно касательно всѣхъ предметовъ, которые относятся до ихъ обоюднаго спокойствія и безопасности“. При эгомъ императоръ, „вслѣдствіе искреннѣйшаго желанія обезпечить существованіе, сохраненіе и полную независимость Блистательной Порты“, обѣщалъ, въ случаѣ надобности, предоставить въ ея распоряженіе необходимое число сухопутныхъ и морскихъ силъ. Отдѣльною тайною статьею было постановлено, что вмѣсто союзной вооруженной помощи, слѣдующей Россіи, на основаніи взаимства, Порта обязуется закрыть Дарданельскій проливъ, „т. е. не дозволять никакимъ иностраннымъ военнымъ кораблямъ входить въ оный, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ“.

Безпристрастный изслѣдователь долженъ признать, что этотъ договоръ не угрожалъ ни одной изъ великихъ европейскихъ державъ и только препятствовалъ имъ угрожать Россіи; но западныя великія державы, расходясь между собою въ частностяхъ, въ общемъ стремились къ упраздненію Хункяръ-Искелесійскаго трактата, къ лишенію Россіи всѣхъ выгодъ, которыя ей доставлялъ этотъ трактатъ и къ установленію „совокупнаго ручательства Европы за цѣлость и независимость Оттоманской имперіи“. Если бы Хункяръ-Искелесійскій трактатъ оставался въ силѣ и послѣ тѣхъ 8 лѣтъ, на кои онъ былъ заключенъ, то Россія сама его бы не нарушила и такимъ образомъ, „цѣлость и независимость“ Турціи была бы обезпечена наилучшимъ образомъ, во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ она была обезпечена

„совокупнымъ ручательствомъ Европы“. Но западные покровители Турціи не столько заботились о ней, сколько старались создать Россіи возможно большія затрудненія и вообще всячески ослабить послѣднюю.

Въ этомъ отношеніи хотя они и не достигли своихъ цѣлей вполнѣ, но все же одержали далеко не маловажные успѣхи. Въ 1839 году западныя державы добились изданія султаномъ Абдулъ-Меджидомъ „гатти шефифа“ Гюльханейскаго, въ видахъ устраненія поводовъ къ заступничеству Россіи за турецкихъ христіанъ. Въ то же время въ западно-европейской печати и въ парламентскихъ дебетахъ взводились обвиненія на Россію, которая будто бы была одержима панславизмомъ. Въ Лондонской конвенціи 3 іюля 1840 года державы выражали желаніе „блюсти за поддержаніемъ цѣлости и неприкосновенности Оттоманской Имперіи въ интересахъ упроченія европейскаго мира“. Эта же конвенція подтверждала „древнее правило, въ силу коего всегда воспрещалось военнымъ судамъ иностранныхъ державъ входить въ проливы Дарданельскій и Босфорскій“, т. е. Хункяръ-Искелесійскій трактатъ былъ упраздненъ по отношенію къ условію, которое имѣло для Россіи наиболѣе важное значеніе. Вслѣдъ за тѣмъ этотъ успѣхъ западныхъ державъ былъ закрѣпленъ Лондонскимъ же договоромъ 1-го іюля 1841 года (съ участіемъ Турціи), который сводился къ провозглашенію закрытія Дарданеллъ и Босфора для военныхъ флаговъ всѣхъ націй.

Такъ или иначе, на Востокъ былъ распространенъ тотъ самый принципъ, который оказался несостоятельнымъ на Западѣ и въ силу котораго великія державы, представляющія Европу, должны были обсуждать и рѣшать важнѣйшіе политическіе вопросы не иначе, какъ сообща.

Тѣмъ не менѣе и послѣ этого нѣкоторыя перемѣны во внутреннемъ устройствѣ Дунайскихъ княжествъ были произведены по соглашенію Россіи съ Турціею на основаніи договора, заключеннаго нашимъ посланникомъ В. П. Титовымъ въ Балта-Лиманѣ (на Босфорѣ) 19 апрѣля 1849 года. Договоръ этотъ категорически подтверждалъ всѣ права, предоставленныя Россіи прежними трактатами и, въ частности право покровительства и ручательства по отношенію къ Дунайскимъ княжествамъ. Но съ этого времени вліяніе Россіи въ Константинополѣ стало замѣтно ослабѣвать, уступая мѣсто вліянію Англіи. Много испытаній пришлось вынести въ то время терпѣнію Россіи со стороны ея противниковъ, которые, выставляя противъ нея разные трактаты, сами тутъ же ихъ нарушали: они и прорывались черезъ Дарданеллы, и притѣсняли Грецію изъ за несправедливыхъ требованій еврея Пачифико, и подстрекали султана не исполнять требованій императора Николая о выдачѣ венгерскихъ выходцевъ; турецкіе министры находились подъ опекою великобританскаго посла. Императоръ, преемникъ длиннаго ряда православныхъ государей, Помазанникъ Божій, защитникъ православія, не могъ допустить утвержденія на Балканскомъ полуостровѣ подобнаго порядка вещей, не считалъ возможнымъ отказаться отъ добытаго русскою кровью права покровительства православной вѣрѣ на всемъ пространствѣ Оттоманской Имперіи, не могъ остаться равнодушнымъ въ то время, когда Порта осмѣлилась посягнуть на вѣковыя льготы кореннаго православнаго населенія Святой земли и принесла ихъ въ жертву горсти католиковъ въ угоду Наполеону III. При такихъ условіяхъ

новая война но уже не съ одною Турціею, сдѣлалась неотвратимою историческою необходимостью.

Въ 1853 году, вслѣдствіе подстрекательствъ западныхъ державъ, Порта отвергла справедливыя требованія Россіи по охранѣ правъ нашихъ единовѣрцевъ въ Турціи. На ея сторону стали Англія, Франція, а затѣмъ и Сардинія. Остальныя великія державы заняли по отношенію къ Россіи сомнительное и даже угрожающее положеніе. Война 1853—1856 гг. была для Россіи неудачна, хотя, впрочемъ, геройская оборона Севастополя покрыла защитниковъ его неувядаемою славою. Мы вовсе не были побѣждены кѣмъ то другимъ, а скорѣе сами себя побѣдили.

Война эта закончилась Парижскомъ трактатомъ 1856 года, въ силу коего уничтожались всѣ особыя права Россіи по отношеніи къ Турціи и къ ея полунезависимымъ областямъ, а Турція пріобщалась къ такъ называемому „европейскому концерту“; Черное море объявлялось нейтральнымъ, вслѣдствіе чего Россія лишалась права имѣть на немъ военный флотъ и обязывалась не имѣть на берегахъ его военно-морскихъ арсеналовъ; часть Бессарабіи отдавалась Молдавіи, Дунайскія гирла возвращались Турціи, а судоходство по Дунаю объявлялось свободнымъ; Молдавія, Валахія и Сербія были поставлены подъ покровительство и „ручательство всѣхъ договаривающихся державъ“; воспрещалось вмѣшательство въ отношенія султана къ его подданнымъ и во внутреннее управленіе его имперіи; подтвержденъ принципъ закрытія проливовъ для иностранныхъ военныхъ судовъ.

Черезъ 22 года послѣ заключенія Парижскаго трактата, въ правительственномъ сообщеніи (въ „Прави-

тельственномъ Вѣстникѣ“ отъ 27 іюля 1878 года) было, между прочимъ, сказано: „трактатъ 1856 года, этотъ памятникъ политическихъ страстей, которыя вызвали несправедливую войну и такой же миръ: этотъ актъ поставилъ Россію въ положеніе недостойное великой державы“. Естественно, такое положеніе долго продержаться не могло. Неудобныя для насъ статьи Парижскаго трактата должны были быть отмѣнены.

Къ этому и стремилась вся наша дипломатія, въ которой, однако можно было отличить два направленія: 1) первое, которое можно назвать *европейскимъ*, вѣрившее Европѣ и въ Европу, считавшее необходимымъ дѣйствовать не иначе, какъ въ составѣ „европейскаго концерта“, посредствомъ конгрессовъ, конференцій и различныхъ соглашеній и 2) второе, *самостоятельное*, признававшее подобныя соглашенія вредными для нашихъ интересовъ и находившее соотвѣтственнымъ въ данномъ отношеніи итти отдѣльно отъ прочихъ великихъ державъ и устраивать русско-турецкія дѣла и отношенія путемъ непосредственныхъ соглашеній съ Турціею, безъ содѣйствія какихъ-бы то нибыло „маклеровъ“. Будущій историкъ выяснитъ этотъ вопросъ и рѣшитъ, которое изъ этихъ двухъ направленій было ближе къ пониманію дѣйствительныхъ задачъ и интересовъ Россіи, а равно и сущности ея отношеній къ разнымъ европейскимъ державамъ и къ Турціи. Мы съ своей стороны считали бы несвоевременною, а главное несоотвѣтствующею нашей цѣли попытку разобраться въ этомъ вопросѣ въ настоящемъ изслѣдованіи, а потому подобной попытки здѣсь не производимъ, считая достаточнымъ лишь отмѣтить, что хотя второе направленіе было представляемо высокодаровитымъ дипломатомъ,

замѣчательнымъ знатокомъ и сущности этого дѣла, и всѣхъ его деталей, дипломатомъ, какихъ мало въ исторіи, тѣмъ не менѣе одержало верхъ не второе, но первое направленіе, представителями котораго являлись лица, пользовавшіеся также большею частью репутаціею опытныхъ дипломатовъ; характеристика послѣднихъ пока еще весьма затруднительна, а потому мы отъ нея отказываемся.

Послѣ заключенія Парижскаго трактата Россія приступила къ весьма важнымъ внутреннимъ преобразованіямъ, значеніе коихъ слишкомъ хорошо извѣстно, а потому на нихъ можно не останавливаться. Достаточно лишь отмѣтить, что величайшая изъ гражданскихъ реформъ Императора Александра II, освобожденіе крестьянъ, находилась въ тѣсной и логической связи съ великою Его же военною реформою, введеніемъ общеобязательной воинской повинности, въ силу коей защита Престола и Отечества противъ какихъ бы то нибыло враговъ есть священный долгъ каждаго вѣрноподданнаго Его Императорскаго Величества, т. е. каждаго русскаго гражданина, способнаго къ ношенію оружія и могущаго сдѣлаться, въ случаѣ надобности, русскимъ воиномъ.

Со введеніемъ общеобязательной воинской повинности, армія наша получила вѣчно свѣжій и достаточно обильный источникъ, изъ котораго могла и можетъ постоянно обновляться; Россія же получила возможность выставить, въ случаѣ надобности, достаточно многочисленную армію вполнѣ хорошаго состава, т. е. сочетать въ надлежащей гармоніи число съ качествомъ.

Конечно, для проведенія въ жизнь этой и другихъ реформъ императора Александра II, нужно было время.

Вполнѣ понятно поэтому, что мы въ то время избѣгали войны и занимались внутреннею работою, давая однако иногда отпоръ неумѣстнымъ притязаніямъ Европы, какъ напримѣръ въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, когда всему міру сдѣлалась извѣстною нота нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, отклонившая попытку вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла и заключавшая въ себѣ извѣстныя слова: „La Russie se recueille“ [2]).

Ставъ на этотъ путь, Россія уже въ 1870 году признала своевременнымъ отказаться отъ соблюденія стѣснительныхъ для ея флота статей Парижскаго трактата и возвратила себѣ полную свободу на Черномъ морѣ. Мало того Европѣ пришлось признать съ своей стороны этотъ отказъ соотвѣтственнымъ постановленіемъ Лондонской конференціи 1871 года.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ въ Турціи не только не улучшалось, но даже ухудшалось и, во всякомъ случаѣ, запутывалось и осложнялось. Противники Россіи доказывали, что стоитъ только произвести необходимыя реформы и Турція чуть ли не сразу превратиться въ такое же европейское государство, какимъ является любой членъ „европейскаго концерта“. Рекомендовались самые либеральные рецепты и, повидимому, не понапрасну. Порта объявляла о производствѣ весьма важныхъ реформъ въ духѣ упомянутыхъ рецептовъ. Таковъ былъ и извѣстный „гатти-гумаюнъ“ 6-го февраля 1856 года, возвѣщавшій о цѣломъ рядѣ преобразованій. Но всѣ эти реформы такъ и оставалась на бумагѣ, а въ жизнь непроводились; по крайней мѣрѣ христіанскіе подданные султана, кои, по заявленію противниковъ Россіи, были

---

[2]) Т. е.: „Россія собирается съ силами“.

облагодѣтельствованы этими реформами, оставались не удовлетворенными. Броженіе въ различныхъ областяхъ Турціи усиливалось и давало себя знать отдѣльными взрывами, то на Критѣ, то въ Босніи и Герцеговинѣ, то въ Болгаріи. Нѣкоторыя области все болѣе и болѣе обособлялись: Египетъ пріобрѣлъ новыя права, Ливану и Криту дарована извѣстная автономія, Сербія избавилась отъ турецкихъ гарнизоновъ, Молдавія и Валахія соединились и образовали одно княжество, Румынію.

Естественно и другія области турецкой имперіи, населеніе коихъ было недовольно своимъ положеніемъ, стремились къ его улучшенію. Русское правительство обращало на это вниманіе остальныхъ великихъ державъ и высказывало, что прочное спокойствіе въ христіанскихъ областяхъ Турціи можетъ быть достигнуто не иначе, какъ при условіи *дѣйствительнаго* введенія въ нихъ внутренняго мѣстнаго *самоуправленія*. Нѣкоторыя державы соглашались съ Россіею и даже обращались, вмѣстѣ съ нею, къ Турціи съ соотвѣтственными заявленіями, но положеніе дѣлъ отъ этого не измѣнялось.

Главное ядро расшатывавшагося, но все же еще не расшатавшагося могущества Турціи, находилось, какъ и теперь, въ Малой Азіи; въ европейской же ея части мусульманское меньшинство (14,550,000 чел., $^1/_3$—$^1/_4$) господствовало надъ угнетеннымъ христіанскимъ большинствомъ (12.000,000 однихъ только православныхъ христіанъ—$^2/_3$—$^3/_4$). Въ племенномъ отношеніи господствовавшій элементъ находился въ болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, ибо турки составляли лишь около $^1/_9$ всего населенія. При этомъ населенію нѣкоторыхъ обла-

стей не было возможности жить подъ трудно вообразимымъ гнетомъ притѣснителей, которые не щадили ни имущества, ни жизни, ни чести злополучной „райи“.

Естественно, угнетенное большинство старалось если не освободиться вполнѣ, то, по крайнѣй мѣрѣ, отвоевать себѣ лучшія условія быта, улучшить свое не выносимое положеніе. Въ послѣднее время это стремленіе получило еще большую интенсивность вслѣдствіе пробужденія у турецкихъ христіанъ національнаго самосознанія. Все это и вызывало чуть ли не постоянно происходившія возстанія то въ одной, то въ другой области государства.

Въ началѣ 70-хъ годовъ положеніе дѣлъ начало быстро осложняться и ухудшаться въ Герцеговинѣ и Босніи, населенныхъ большею частью такими же православными сербами, которые достигли уже самобытности въ сопредѣльномъ Сербскомъ княжествѣ и независимости въ сопредѣльной же Черногоріи. Католиковъ славянъ того же сербо—хорватскаго племени въ этихъ областяхъ было, сравнительно, немного, но положеніе ихъ было лучше, чѣмъ положеніе ихъ православныхъ родичей; однако же и они были имъ недовольны и не безъ зависти смотрѣли на своихъ единовѣрцевъ, обитавшихъ по другую сторону государственной границы, въ сосѣднихъ областяхъ Австро-Венгріи. Главное ядро остальной, господствовавшей части населенія Босніи и Герцеговины составляла землевладѣльческая аристократія, мусульманская по вѣрѣ, сербская по національности, утратившая однако понятіе о своей принадлежности къ сербскому народу и упорно именовавшая свой языкъ „боснійскимъ“.

Интересы трехъ упомянутыхъ частей населенія были различны: мусульмане, естественно, стояли за сохраненіе турецкаго владычества и вообще за сохраненіе statu quo: католики желали присоединенія къ Австріи, а православные къ Сербіи (Боснія) и къ Черногоріи (Герцеговина). Съ своей стороны Австрія, уже со временъ принца Евгенія Сивойскаго, смотрѣла на эти земли, какъ на необходимое дополненіе къ ея владѣніямъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Далмація была къ ней присоединена окончательно. Австрійскіе военные люди полагали, что, съ стратегической точки зрѣнія, владѣніе Босніею и Герцеговиною необходимо, какъ для обороны, такъ и для наступленія.

Въ виду подобныхъ соображеній австрійское правительство, не отдѣляясь отъ „европейскаго концерта“, относилось довольно сочувственно къ тѣмъ боснійскимъ инсургентамъ, которые могли быть полезны съ его точки зрѣнія. Для этихъ инсургентовъ австрійская территорія являлась какъ бы базою, на которой они запасались всѣмъ необходимымъ и изготовлялась къ набѣгамъ въ предѣлы своей родины. Повидимому, даже первые отряды инсургентовъ, поднявшіе знамя возстанія, состояли изъ приверженцевъ Австріи, католиковъ. Съ своей стороны и православные не заставили себя ждать, ибо имъ терять было нечего или почти нечего.

Такъ или иначе герцеговинскіе и боснійскіе православные сербы и ихъ родичи-католики оказались, въ одномъ лагерѣ и повели неравную борьбу противъ турокъ и вообще противъ мусульманъ. Князья сербскій и черногорскій не могли заставить свои народы отказаться отъ вполнѣ естественнаго стремленія помочь своимъ братьямъ, боснякамъ и герцеговинцамъ, тѣмъ болѣе что и австровенгерскіе сербы и хорваты (изъ „Воеводины Сербской,

Далмаціи, Славоніи и Хорватіи) также сочувствовали возставшимъ, помогали имъ деньгами и отчасти усиливали собою ихъ ряды, а боевой кликъ, раздавшійся среди разрозненныхъ частей сербскаго народа, нашелъ могущественный отголосокъ во всей почти стомилліонной славянской семьѣ, отъ Ледовитаго Океана до Чернаго и Адріатическаго морей.

Если въ первой трети XIX вѣка чуть ли не вся Европа была одушевлена симпатіями къ боровшимся за свою независимость грекамъ, то неудивительно, что въ началѣ послѣдней четверти того же столѣтія почти весь славянскій міръ сочувствовалъ и отчасти помогалъ турецкимъ славянамъ, отстаивавшимъ свою вѣру, свою самобытность, жизнь и честь свою и своихъ семействъ и послѣднее свое достояніе. Особенно сильно былъ это сочувствіе въ православной Россіи, которая и ранѣе выражала свои симпатіи православнымъ грекамъ, находившимся въ такомъ же положеніи, въ какомъ теперь находились босняки съ герцеговинцами и волновавшіеся по тѣмъ же причинамъ болгары.

Среди русскихъ людей нашлись организаторы денежной и вообще матеріальной помощи герцеговинцамъ и боснякамъ, не говоря уже о заботахъ по отношенію къ раненымъ; число жертвовавшихъ росло, а нѣкоторые отправлялись сами и поступали въ ряды инсургентовъ.

20-го іюня (2-го іюля) 1876 года Сербія и Черногорія выступили на защиту своихъ возставшихъ братьевъ и объявили войну Турціи. Въ этой новой неравной борьбѣ сербскія княжества могли выставить всего 160—170,000 чел., а въ полѣ не болѣе 100,000 чел.; Турція же располагала арміею и запасомъ въ 700,000 чел., изъ коихъ до 400,000 чел. были организованы болѣе или менѣе правильно.

Турки превосходили славянъ и числомъ, и организаціею, и боевою подготовкою, и вооруженіемъ; это послѣднее преимущество имѣло роковое значеніе, такъ какъ способствовало паденію духа въ необстрѣленной сербской арміи. Только такіе воины, какъ черногорцы, могли удерживаться противъ турокъ и даже наносить имъ пораженія; подавленіе же сербовъ турками являлось лишь вопросомъ времени. Между тѣмъ симпатіи русскихъ людей къ сражавшимся противъ турокъ православнымъ славянамъ росли безостановочно и неудержимо и перешли въ сильнѣйшее воодушевленіе. Охотники поступать въ ряды сербовъ (и черногорцевъ) или такъ называемые „добровольцы“, считавшіеся сначала единицами, стали отправляться на театръ военныхъ дѣйствій все въ большемъ и большемъ числѣ, особенно съ тѣхъ поръ, когда неравенство борьбы обрисовалось достаточно рельефно, а генералъ *Черняевъ*, „кличъ кликнулъ“ по всей русской землѣ, призывая русскихъ людей на помощь сербамъ. На этотъ призывъ такъ или иначе отозвалось громадное большинство русскаго народа. Ополчился „и старъ и младъ“. Здѣсь были и князья, и графы, и бароны съ чисто нѣмецкими фамиліями, и дворяне, и представители духовнаго сословія, и купцы, и мѣщане, и крестьяне, и казаки, и отставные офицеры, и солдаты, и студенты университетовъ, и совершенно неграмотные люди, и православные, и старообрядцы, и послѣдователи иныхъ христіанскихъ исповѣданій, на столько сроднившіеся съ Русью, что имъ представлялось совершенно естественнымъ сражаться за это дѣло, ставшее русскимъ. Всего однако ихъ было немного, не болѣе 5,000 человѣкъ. Кто могъ, стремился на театръ войны, а кто не могъ отправится лично, тотъ приносилъ денежныя и вообще

матеріальныя пожертвованія. Сравнительно небольшое число русскихъ добровольцевъ, прибывшихъ въ главную сербскую армію генерала Черняева, протянуло войну на два мѣсяца; большаго отъ нихъ нельзя было и требовать. Они сами это понимали и шли не отличаться, а погибать. Болѣе половины погибло въ бояхъ; многіе попали въ госпитали, гдѣ и умерли; другіе вернулись на родину изувѣченными; остальные перенесли трудно поддающіяся описанію лишенія и болѣе или менѣе опасныя болѣзни.

17 октября 1876 года турки, сосредочивъ превосходныя силы, разбили въ извѣстномъ сраженіи подъ Джунисомъ (Дьюпишъ) 28,000-ую армію генерала Черняева, которая потеряла 12 орудій и не менѣе 6,000 чел. убитыми, раненными и безъ вѣсти пропавшими.

Для Сербіи это было цѣлая катастрофа. Князь сербскій обратился къ императору Александру II, прося Его заступничества. Вслѣдствіе этого, 19 октября, русскій посолъ въ Константинополѣ, генералъ-адъютантъ графъ *Н. П. Игнатьевъ*, по Высочайшему повелѣнію, предъявилъ турецкому министру иностранныхъ дѣлъ грозный ультиматумъ, требуя заключенія перемирія съ Сербіею и Черногоріею и полнаго прекращенія военныхъ дѣйствій на всѣхъ театрахъ и давая при этомъ на размышленіе только 48 часовъ. На слѣдующій же день графъ Игнатьевъ получилъ извѣщеніе отъ Савфета-паши, что Турція уже исполнила послѣднее требованіе Россіи и вполнѣ согласна заключить перемиріе.

Слово Русскаго Царя спасло Сербію отъ разгрома. Джунискій погромъ ясно показалъ, что Сербія не въ силахъ бороться съ Турціею, Черногорія же не могла одна продолжать борьбу. Силою обстоятельствъ выдви-

галась впередъ на поддержку сербовъ и черногорцевъ единовѣрная и единокровная Россія.

Какъ было выяснено выше, Россія дѣйствовала въ составѣ „европейскаго концерта“. Было признано цѣлесообразнымъ созвать конференцію для обсужденія мѣръ, могущихъ улучшить и обезпечить положеніе христіанскаго населенія возставшихъ турецкихъ областей. 29 октября, Императоръ Александръ II, принимая въ Москвѣ въ Кремлевскомъ дворцѣ дворянство и городское общество, сказалъ: „Благодарю васъ, господа, за чувства, которыя вы желали мнѣ выразить по случаю настоящихъ политическихъ обстоятельствъ. Они теперь разъяснились, и потому Я готовъ принять вашъ адресъ съ удовольствіемъ.... Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась моимъ требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія, чтобы положить конецъ безполезной рѣзнѣ въ Сербіи и Черногоріи. Черногорцы показали себя въ этой неравной борьбѣ, какъ всегда, истинными героями.... Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать про сербовъ, не смотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе поплатились жизнью за славянское дѣло..... Я знаю, что вся Россія, вмѣстѣ со мною, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и по происхожденію; но для меня истинные интересы Россіи дороже всего, и Я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь.... Вотъ почему Я старался и продолжаю стараться достигнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія быта всѣхъ христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ. На дняхъ должны начаться совѣщанія въ Константино-

полѣ между представителями шести великихъ державъ для опредѣленія мирныхъ условій... Желаю весьма, чтобы мы могли придти къ общему соглашенію. Если же оно не состоится и Я увижу, что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы исполненіе того, что мы въ правѣ требовать отъ Порты, то Я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно и увѣренъ, что, въ такомъ случаѣ вся Россія отзовется на Мой призывъ, когда Я сочту нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Увѣренъ также, что Москва, какъ всегда, подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе".

1-го Ноября послѣдовало Высочайшее повелѣніе о мобилизаціи всѣхъ войскъ Кіевскаго, Одесскаго и Харьковскаго, а также нѣкоторыхъ частей Московскаго, Виленскаго и Кавказскаго военныхъ округовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ были вызваны на службу нѣкоторыя льготныя части Донскаго и Кавказскихъ казачьихъ войскъ.

Мобилизованныя полевыя войска составили отдѣльный Кавказскій и 6 не отдѣльныхъ армейскихъ корпусовъ, отъ 7-го до 12-го, изъ коихъ Кавказскій предназначался для дѣйствій на кавказско-турецкой границѣ, 7-й и 10-й корпуса—для охраненія черноморскаго побережья въ раіонѣ Одесскаго округа, а остальные четыре корпуса въ составъ главной „дѣйствующей арміи", которая и должна была, въ случаѣ надобности, поддержать (въ Европѣ) требованія Россіи силою оружія. Черезъ шесть недѣль, войска дѣйствующей арміи были сосредоточены между Прутомъ и Днѣстромъ, но объ открытіи операцій не могло быть и рѣчи, такъ какъ наступилъ чередъ дипломатовъ и нужно было ожидать окончанія переговоровъ.

Конференція, собравшись, въ концѣ ноября, въ Константинополѣ, совѣщалась въ декабрѣ 1876 и въ началѣ января 1877 года. Въ послѣднемъ ея засѣданіи 8/20 января представитель Турціи Савфетъ-паша прочелъ ноту, которою Порта, поощряемая тайными недругами Россіи, категорически отклонила предложенія „европейскаго концерта", находя ихъ несовмѣстимыми съ достоинствомъ Оттоманской имперіи и признавая ихъ не соотвѣтствовавшими дѣйствительному положенію дѣлъ въ виду того, что султанъ даровалъ своему государству конституцію, а слѣдовательно съ этихъ поръ турецкіе христіане пользуются равноправностью съ мусульманами и всѣми благами новаго режима.

Дѣйствительно, была разыграна извѣстная конституціонная комедія; собранъ было даже турецкій „парламентъ", который постановилъ то, что требовалось и затѣмъ былъ распущенъ. Никакихъ улучшеній въ Турціи не было и быть не могло. Все это было отлично извѣстно всѣмъ участникамъ конференціи, но такъ какъ въ „европейскомъ концертѣ" не было (и не могло быть) единодушія и согласія, то конференцію пришлось закончить, а представители великихъ державъ выѣхали изъ Константинополя, при чемъ однако сношенія между этими державами и Турціею не прерывались. Перемиріе между Турціею и сербскими княжествами было продолжено до 29 марта (10 апрѣля); Сербія вскорѣ послѣ того заключила съ Турціею миръ на условіяхъ возстановленія **„statu quo ante"**; Черногорія же не считала возможнымъ принять подобныя условія и рѣшила примкнуть къ Россіи, а пока выжидать, чѣмъ окончится дѣятельность дипломатіи.

Русское правительство, съ своей стороны, пыталось

еще уладить спорные вопросы безъ войны. Въ концѣ февраля и въ началѣ марта, генералъ-адъютантъ графъ *Игнатьевъ* совершилъ извѣстную поѣздку въ столицы великихъ державъ, дабы склонить эти державы къ подписанію новаго акта, протокола, въ которомъ были-бы заявлены послѣднія рѣшенія Европы относительно Турціи. Поѣздка эта привела къ новымъ совѣщаніямъ между представителями великихъ державъ и къ подписанію такъ называемаго „*Лондонскаго протокола*“ 19/31 марта 1877 года, въ которомъ державы настаивали на производствѣ реформъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи, требовали исправленія границъ для Черногоріи и демобилизаціи турецкихъ войскъ (за исключеніемъ той ихъ части, которую необходимо оставить на военномъ положеніи въ видахъ поддержанія порядка), а въ заключеніе обращались къ Турціи съ нижеслѣдующимъ предостереженіемъ: „Если бы державы еще разъ ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ и положеніе христіанскихъ подданныхъ султана не было бы улучшено въ такой мѣрѣ, чтобы предотвратить возвращеніе тѣхъ усложненій, которыя періодически нарушаютъ спокойствіе на Востокѣ, то онѣ считаютъ долгомъ заявить, что такое положеніе вещей было-бы несогласно съ интересами ихъ и Европы вообще. Въ такомъ случаѣ онѣ оставляютъ за собою право совмѣстно разсудить о тѣхъ мѣрахъ, которыя онѣ признаютъ наиболѣе дѣйствительными для обезпеченія благосостоянія христіанскаго населенія и выгодъ всеобщаго мира (см. Правительственный Вѣстникъ, 27 марта 1877 года № 67). Съ своей стороны Россія тогда-же заявила: „Если миръ съ Черногоріею будетъ заключенъ, если Порта приметъ совѣтъ кабинетовъ, выкажетъ готовность возвратиться къ мирному

положенію и приступитъ на дѣлѣ къ выполненію реформъ, упомянутыхъ въ протоколѣ, то пусть она пришлетъ въ С.-Петербургъ особаго уполномоченнаго для переговоровъ о разоруженіи, на которое въ такомъ случаѣ согласится съ своей стороны Государь Императоръ. Разумѣется, что если-бы произошли новыя избіенія подобныя тѣмъ, которыя обагрили кровію Болгарію, то мѣры къ разоруженію, по необходимости, будутъ оставлены“ (см. Правительственный Вѣстникъ“, 27 марта 1877 г., № 67).

29 марта 10 апрѣля, Турція отвергла Лондонскій протоколъ и отвѣтила на всѣ предложенія великихъ державъ безусловнымъ отказомъ (см. Annuaire diplomatique de l'empire de Russie, 1877, p. 492, нота турецкаго министерства иностранныхъ дѣлъ императорскому оттоманскому посольству въ С.-Петербургѣ).

Итакъ, послѣднее „усиліе дипломатіи“, направленное къ сохраненію мира, потерпѣло неудачу. Естественнымъ явился переходъ отъ словъ къ дѣлу, во исполненіе угрозы, заключавшейся въ Лондонскомъ протоколѣ. Но участники „европейскаго концерта“ преслѣдовали далеко не одинаковыя цѣли, а нѣкоторые изъ нихъ даже побуждали Турцію къ неуступчивости.

При такихъ условіяхъ Императоръ Александръ II призналъ необходимымъ и своевременнымъ обратиться къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

7/19 Апрѣля С.-Петербургскій кабинетъ сообщилъ Портѣ, что „Его Величество Императоръ Всероссійскій рѣшилъ силою добиться того, что не могло быть достигнуто единодушными усиліями великихъ державъ“. 12/24 Апрѣля нашъ государственный канцлеръ вручилъ повѣренному въ дѣлахъ Турціи въ С.-Петербургѣ ноту,

заключавшую въ себѣ оффиціальное объявленіе войны. Въ этотъ же день былъ обнародованъ слѣдующій Высочайшій Манифестъ:

„Всѣмъ Нашимъ любезнымъ вѣрноподданнымъ извѣстно то живое участіе, которое Мы всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить его раздѣлялъ съ Нами и весь русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи христіанъ Балканскаго полуострова.

Кровь и достояніе Нашихъ вѣрноподданныхъ были всегда Намъ дороги; все царствованіе Наше свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости Нашей охранять Россіи благословенія мира. Эта заботливость оставалась Намъ присуща въ виду печальныхъ событій, совершившихся въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи.

Мы первоначально поставили себѣ цѣлью достигнуть улучшеній въ положеніи восточныхъ христіанъ путемъ мирныхъ переговоровъ и соглашенія съ союзными дружественными Намъ великими державами. Мы не переставали стремиться, въ продолженіи двухъ лѣтъ, къ тому, чтобы склонить Порту къ преобразованіямъ, которыя могли бы оградить христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всецѣло вытекало изъ прежнихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Портою предъ лицомъ всей Европы. Усилія Наши, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ правительствъ, не привели, однако, къ желательной цѣли. Порта осталась непреклонною въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякого дѣйствительнаго обезпеченія безопасности своихъ христіанскихъ подданныхъ и отвергла

постановленія Константинопольской конференціи. Желая испытать, для убѣжденія Порты, возможные способы соглашенія, Мы предложили другимъ кабинетамъ составить особый протоколъ, со внесеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій Константинопольской конференціи, и пригласить турецкое правительство присоединиться къ этому международному акту, выражающему крайній предѣлъ Нашихъ миролюбивыхъ настояній. Но ожиданія Наши не оправдались. Порта не вняла единодушнымъ желаніямъ христіанской Европы и не присоединилась къ изложеннымъ въ протоколѣ заключеніямъ.

Исчерпавъ до конца миролюбіе Наше, Мы принуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чувство справедливости, и чувство собственнаго Нашего достоинства. Турція, отказомъ своимъ, поставляетъ Насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ Нашего дѣла, Мы, въ смиренномъ упованіи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ словахъ Нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія. Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда Мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуется. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска Наши, Мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи. Данъ въ Кишиневѣ, Апрѣля 12 дня, лѣта отъ Рождества Христова въ тысяча восемьсотъ семьдесятъ седьмое, царствованія же Нашего въ двадцать третье".

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „*Александръ*".

Въ этотъ же день войска дѣйствующей арміи на Европейскомъ театрѣ и войска Кавказскаго корпуса на малоазіатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій перешли границы Оттоманской Имперіи. Такъ началось третье дѣйствіе великой исторической драмы, извѣстной въ исторіи подъ названіемъ *„славяно-турецкой борьбы 1875-78 гг.“*, именуемое, въ свою очередь, *„русско-турецкою войною 1877-78 гг.“*.

Быть можетъ, пользуясь не обнародованными еще архивными матеріалами министерства иностранныхъ дѣлъ и т. д., другой изслѣдователь освѣтилъ бы данный вопросъ съ другой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія холоднаго разсчета, чуть ли не математически вѣрно разсчитанныхъ комбинацій, тщательно изслѣдованныхъ и категорически опредѣленныхъ экономическихъ интересовъ и т. д. Быть можетъ, даже всѣ эти разсчеты, комбинаціи и соображенія не являлись бы для насъ новостью. Но, въ настоящемъ изслѣдованіи, вызванномъ истекающимъ 25-лѣтіемъ выступленія на военно-историческую арену нашей дорогой и славной арміи, которую напутствовали молитвы и добрыя пожеланія всего русскаго народа,—мы ставили себѣ цѣлью взглянуть на данный вопросъ не съ точки зрѣнія тѣхъ или другихъ записныхъ спеціалистовъ, но съ точки зрѣнія всей массы, не мудрствовавшихъ лукаво или не лукаво, русскихъ людей.

Тѣмъ изъ нихъ, кои знали и понимали исторію, было ясно, что 12 апрѣля 1877 года повторилось событіе, не разъ уже у насъ происходившее. Царь Алексѣй Михайловичъ ведетъ войну противъ гонителей „православной христіанской вѣры и святыхъ Божіихъ церквей“; къ

нему-же обращаются и просятъ покровительства и помощи православные христіане, находящіеся подъ игомъ мусульманъ. Его сыновьямъ и дальнѣйшимъ Преемникамъ приходилось вести цѣлый рядъ войнъ со страшною для всего христіанскаго міра могущественнѣйшею мусульманскою державою. За исключеніемъ одного только случая, войны эти окончились въ пользу Россіи, которая нанесла Турціи цѣлый рядъ жестокихъ ударовъ и заставила ее дорого поплатиться за то, что она угнетала подвластныхъ ей православныхъ христіанъ, отвѣчала категорическимъ отказомъ на миролюбивыя предложенія Россіи улучшить ихъ участь и вступала во враждебныя намъ соглашенія съ нашими врагами, въ видахъ лишенія насъ возможности вступаться за православныхъ подданныхъ султана, на что мы пріобрѣли право въ честномъ бою. Иногда, впрочемъ весьма рѣдко, въ Турціи наставалъ періодъ просвѣтлѣнія; она находилась въ дружественныхъ съ нами отношеніяхъ и уважала то, что было для насъ дорого и важно; за это мы ей платили взаимностью и даже готовы были ее защищать: какъ ни сильны были наши симпатіи въ подвластнымъ ей нашимъ единовѣрцамъ, мы проявляли свою несомнѣнную терпимость и не давали ей никакихъ поводовъ къ неудовольствію или жалобамъ. Но это продолжалось недолго. Наши враги подчиняли Турцію своему вліянію, возстанавливали ее противъ насъ, положеніе турецкихъ христіанъ ухудшалось, отношенія наши къ Турціи обострялись и такъ дѣло шло вплоть до новой войны.

Русскіе Цари и Императоры начинали войны съ Турціею не иначе, какъ „исчерпавъ до конца“ Свое миролюбіе, во время войнъ старались сколь возможно болѣе уменьшить сопряженныя съ войною бѣдствія, а при

заключеніи мира проявляли умѣренность и великодушіе. Вообще наши Государи являлись Государями христіанскими и достойнымъ образомъ олицетворяли Собою Россію и весь христіанскій русскій народъ. Когда Государь въ своемъ Манифестѣ объявлялъ всѣмъ своимъ вѣрноподданнымъ, т. е. всему русскому народу причины, побудившія Его поднять оружіе на защиту православныхъ христіанъ, угнетаемыхъ мусульманами, то это было вполнѣ понятно не только образованному русскому обществу, но и всей массѣ православныхъ русскихъ людей, послѣдней, быть можетъ, даже лучше, чѣмъ первому. Такимъ образомъ наши войны съ Турціею, въ понятіи народа, являлись войнами „за Вѣру Христіанскую“. Этимъ и объясняется тотъ непонятный (даже для многихъ русскихъ людей), быстрый ростъ симпатій русскаго народа къ возставшимъ въ 1875 году противъ своихъ притѣснителей Герцеговинцамъ, Боснякамъ и Болгарамъ, а затѣмъ и къ двинувшимся въ 1876 году къ нимъ на поддержку Сербамъ и Черногорцамъ. Этимъ же объясняется и тотъ не поддающійся описанію восторгъ, который охватилъ православный русскій народъ въ тотъ моментъ, когда Его Державный Вождь, Царь-Освободитель, Царь Христіанскій возвѣстилъ Своимъ вѣрноподданнымъ и всему свѣту, что Онъ, вмѣстѣ съ Своимъ вѣрнымъ народомъ, всегда принималъ участіе въ судьбахъ угнетенныхъ турецкихъ христіанъ, что кровь и достояніе вѣрноподданныхъ были всегда Ему дороги, что поэтому, въ теченіи 22 лѣтъ Своего царствованія, Онъ проявлялъ постоянную заботливость, дабы охранять Россіи благословенія мира, что Онъ принялъ всѣ зависѣвшія отъ Него мѣры, въ видахъ миролюбиваго разрѣшенія спорныхъ дѣлъ и что наконецъ

наступило время дѣйствовать самостоятельно, предусмотрѣнное въ тѣхъ словахъ Государевыхъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія.

Царь зналъ Свой народъ; по первому Его требованію, этотъ народъ, выражавшій и ранѣе, выразилъ и теперь вновь полную готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи христіанъ, находившихся подъ игомъ мусульманскимъ, подъ игомъ тѣхъ самыхъ невѣрныхъ людей, которые владѣютъ и Святою Землею съ Гробомъ Господнимъ, и Царьградомъ, откуда распространился свѣтъ ученія Христова на всю землю Русскую.

Армія русская представляла кость отъ кости и плоть отъ плоти русскаго народа. Всегда и всюду ее одушевляло чувство долга, но здѣсь кромѣ того ее одушевляло сознаніе, что она идетъ сражаться за Вѣру Христіанскую, за Царя своего Верховнаго Вождя, за Россію и за братьевъ, православныхъ христіанъ! Вмѣстѣ съ нею и частью даже въ составѣ ея сражались за общее дѣло доблестныя войска единовѣрныхъ и единокровныхъ народовъ, черногорскія, болгарскія, румынскія и сербскія.

Старой Западной Европѣ не понятно то, что переживалъ и чувствовалъ тогда молодой еще русскій народъ, по той простой причинѣ, что она переживала и чувствовала не то-же самое, а лишь нѣчто въ родѣ этого слишкомъ давно, въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ, во время извѣстныхъ крестовыхъ походовъ.

Пожалуй, было бы справедливымъ признать, что послѣдняя русско-турецкая война и вообще вся славяно-турецкая борьба 1876—78 гг. представляла ничто иное, какъ *Славянскій крестовый, т. е. настоящій, дѣй-*

ствительный крестовый походъ! Исторія это и не замедлитъ признать, а вмѣстѣ съ тѣмъ не замедлитъ и отмѣтить, что во главѣ этого крестоваго похода стоялъ самъ Верховный Вождь Россіи, Царь-Освободитель, Императоръ Александръ II.

П. А. Гейсманъ.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ _____
«____» _____ 193 г.